

КОНЦЕПЦИЯ АНТИ-НЕВЕЖЛИВОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура Древней Руси оценивается с двух диаметрально различных позиций. 1. Существует много работ, посвященных древнерусской культуре как замечательному явлению. 2. Имеется немало авторов (особенно за рубежом), которые считают культуру Древней Руси отсталой, невыразительной и недостаточно интеллектуальной. Русский философ Г.Г. Шпет придумал в 1912 г. метафору о «невежливости» (невежественности) древнерусской культуры. Целью настоящей статьи является попытка разобраться в этом противоречивом отношении к древнерусской культуре.

Известна статья академика Д. С. Лихачева, в которой он полемизирует с американским ученым, директором Библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтоном о культуре Древней Руси как якобы «культуре великого молчания». В докладе бельгийского ученого Фр. Томсона на IX съезде славистов в 1983 г. в Киеве также обосновывалась интеллектуальная слабость культуры Древней Руси. Ему убедительно возразил Г.М. Прохоров, признав в то же время, что вопрос о кругозоре писателей и читателей Древней Руси еще недостаточно изучен.

В работе «Made in Russia» (1993) Томсон вновь обратился к тезису о «застойности» древнерусской культуры и ее невежественности. А.А. Алексеев, подвергнув внимательному анализу аргументацию Томсона, сделал заключение о неточности и поспешности его обобщений, необоснованности вывода об ущербности древнерусской культуры на основании всего лишь одного аргумента - отсутствия слаженной школы перевода на Руси. Позднее американский ученый Р. Хелли в 1997 г. рассмотрел проблему интеллектуальной ослабленности культуры Древней Руси с позиций нейропсихологии, доказывая, что древнерусский человек не мог продуктивно мыслить из-за правополушарности головного мозга.

Академик В.В. Иванов, опираясь на новейшие данные нейропсихологии и используя метод моделирования, опроверг это утверждение, подтвердив с помощью научных данных развитость обоих полушарий мозга у наших предков. Сторонник мнения о застойности развития древнерусской культуры профессор Гарвардского университета Г.Г. Лант, не так давно выступивший в защиту точки зрения Томсона с позиции историко-культурных процессов, считает, что отсутствие слаженной школы перевода на Руси — не частный вопрос. Цепочка его «доказательств» такова: если в обществе нет грамотных переводчиков, нет школ и университетов, нет роста библиотек, то его культура «застойна». Вступив с профессором Лантом в полемику, М.С. Киселева резонно заметила, что «непросто распутать связь текста и контекста, особенно тогда, когда контекстом являются нормы сегодняшнего времени и им подчиняется современный исследователь». «Задача нау-

ки, - подчеркнула она, - учет конкретных социальных и общественных условий, в которых существовала и из чего складывалась древнерусская культура, без навязывания ей современных критериев «застойности» или процветания» (Киселева М.С. Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 30).

Надо отметить, что до недавнего времени проблема изучения результатов мыслительной деятельности и интеллектуальных способностей человека в Древней Руси оставалась недостаточно исследованной. Заметный сдвиг в этой области наметился благодаря работам В.В. Милькова. По его мнению, мыслительный процесс мог охватывать все религиозно-философское «пространство» Руси, распространявшееся в обществе высокоинтеллектуальные импульсы и содержащее черты национального своеобразия. В.В. Мильков прослеживает истоки обскурантского отношения к древнерусской культуре в отечественной историографии с конца XVIII в. (П.Я. Чаадаев, К.Д. Кавелин и др.) до начала XX в., когда Г.Г. Шпет выступил с утверждением о том, что введение на Руси христианства на славянском языке «отсекло» ее от университетско-образованного латинского Запада.

В. В. Мильков, высоко оценивая уровень культурного развития Древней Руси, с тонким пониманием своеобразия средневековой эпохи, показал непреходящее значение достижений отечественной религиозно-философской мысли (Мильков В.В. Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI-XV вв. Дисс. в форме докл.... доктора филос. наук. М., 2000; Мильков В.В. Трансляция неоплатонических идей в древнерусскую книжность // Книжный мир сегодня и завтра. М., 2000. С. 159-160). Нетрудно заметить сходство позиций Г. Г. Шпета и отстоящего от него примерно на столетие Г. Г. Ланта. Распространению на Западе шпетовской мысли о «невегласии» культуры Древней Руси немало способствовали русские эмигранты. Так, один из них — историк церкви и философ Г. П. Федотов в 1946 г. провозглашал «убожество интеллектуальной культуры в Древней Руси».

С критикой его точки зрения в 2000 г. выступил В. М. Кириллин, который, принципиально не соглашаясь с Федотовым, заявил, что «по существу данная мыслителем оценка славяне-русской интеллектуальной христианской культуры и опрометчива, и несправедлива». И доказал это, обратившись к символично-числовым штудиям: «О том, как мастерски умно, изящно и точно это делалось, как раз и свидетельствуют древнерусские нумерологические тексты (памятники символического богословия), обнаруживая вместе с тем совсем не убогий интеллект древнерусских книжников» (Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века) СПб., С. 234).

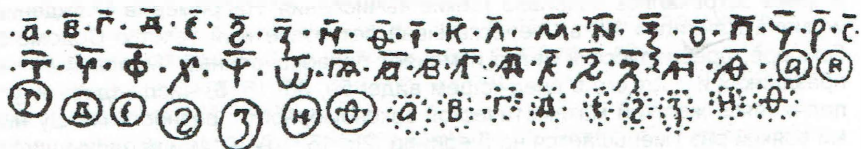
В развитие точки зрения Кириллина надо отметить, что инструментарий нумерологии - числа и вычисления - - является предметом арифметики, которая на Руси имела несколько уровней сложности. Можно предположить, что в нумерологии использовался не самый высокий уровень, хотя

и здесь встречались довольно тонкие вычисления. Например, в «Хождении игумена Даниила» XII в., пересказывая ветхозаветный текст о Содоме и Гоморре, древнерусский автор изменяет первоначальный числовой ряд о праздниках и дает его в следующем виде: 50, 30, 15, 5. Числа здесь идут, подчиняясь жесткой математической закономерности: разность между ними всякий раз уменьшается на 5 единиц (20, 15, 10), а сами чередующиеся числа кратны 5.

Проанализировав аргументы вышеназванных сторонников положения об «интеллектуальном убожестве Руси», нетрудно убедиться: для такого вывода надо доказать, что население страны было лишено способности к абстрактным рассуждениям. Эта способность, могла отсутствовать в традиционалистском обществе, каковым была языческая Русь перед принятием христианства и некоторое время спустя. Как отмечает в одной из последних работ академик В. С. Степин, исследования Л.С. Выготского, А. Р. Лурия и Скина Ноула показали, что дети в традиционалистских странах (Средняя Азия, Либерия), характеризующихся распространением логики здравого смысла, тем не менее овладевали элементами абстрактного силлогизма, если они «прошли курс обучения математике и основам естествознания в начальной школе». «Наука не только дает нам образы мира, она формирует наше мышление, транслируя в культуре и внедряя в сознание людей особые структуры рациональности» (Степин В.С. Наука и псевдонаука в культуре современной цивилизации // Судьбы естествознания: Современные дискуссии. М., 2000. С. 11).

Следовательно, источники знаний о числах могли способствовать интеллектуализации древнерусского общества посредством формирования навыков в абстрактных рассуждениях по логике силлогизма. В этой связи интересно проследить, насколько тесно знания о цифрах были связаны с творческой составляющей истории духовной и светской культуры Руси. Историко-математические исследования последних лет свидетельствуют о том, что главным стимулом развития арифметических знаний на Руси, достигших значительной высоты, было прежде всего обеспечение точности календарных (пасхальных) расчетов, необходимых для бесперебойной церковной службы, а не торговля и обучение (последние, конечно, также стимулировали развитие арифметики, но не оказывали на нее решающего влияния) (Симонов Р.А. Естественнаучная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001; Пчелов Е.В. Новая книга Р.А. Симонова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2001. № 3 (5). С. 116-120).

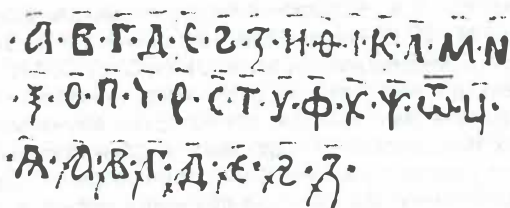
Однако речь должна идти не о сложных вычислениях, а о древнерусских математических текстах, по которым обучались «буквенным» цифрам, о так называемых «цифровых алфавитах», которые на Руси были наиболее распространены. Они отличаются от «буквенных алфавитов» — аналогичных пособий для обучения письму и чтению. По «буквенным алфавитам» нельзя было обучаться счету, а по «цифровым алфавитам» — письму и чтению, так как количество и порядок знаков в них различны.

**Цифровой алфавит Синайского апостола
конца XIII - начала XIV вв.**

До последнего времени отсутствовали данные об использовании «цифровых алфавитов» в церковной практике. В так называемой «греческий» пасхальной азбуке, встречающейся в Евангелии-тетр ок 1399 г. (РГБ, фонд 304.III, № 6. Л. 185-186), над отдельными знаками видны титла, а по бокам точки, кроме того у некоторых знаков имелись тысячные «хвостики». Все это говорило о том, что знаки «греческой» пасхальной азбуки первоначально воспринимались как «буквенные» цифры (ср. с воспроизведенным рис. «цифрового алфавита» из Синайского апостола). Если для проверки этого предположения расположить знаки «греческой» пасхальной азбуки по их цифровому значению, то все они «встают» на соответствующие места знаков «цифрового алфавита». При этом не окажется ни одного пропущенного или лишнего знака (см. соответствующий рис.).

Указанный удивительный результат свидетельствует о том, что в конце XIV в. в основу важнейшего церковного средства для установления дня Пасхи был положен «цифровой алфавит». Наиболее распространенной до сих пор пасхальной азбукой является «русская». Известны «латинская» и «греческая» пасхальные азбуки. Последняя, по мнению А. М. Пентковского, появилась в конце XIV в. и использовалась в XV— - XVI вв., а наименование «греческая» является условным, так как в основе ее «лежал греческий оригинал с особым порядком букв» (Пентковский А.М. Календарные таблицы в русских рукописях XIV-XV вв. // Метод, рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 154, 192). Как оказалось, такое предположение неверно.

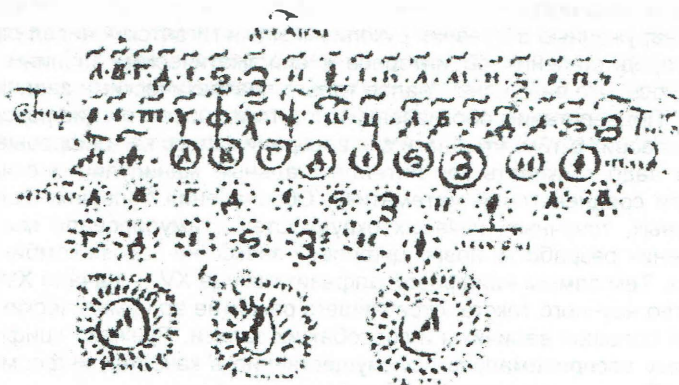

**Древнерусский цифровой алфавит XIV в.,
положенный в основу «греческой» пасхальной азбуки**

Установление цифровой основы «греческой» пасхальной азбуки показывает, какие именно математические знания использовались для ее конструирования. Это были сведения о древнерусской «буквенной» нумерации, представленные в «цифровых алфавитах» XIV в. Один из них составил основу так называемой «греческой» пасхальной азбуки. Она воочию показывает не только уважение, но и своего рода ориентацию русской церкви конца XIV в. на математику, причем, возможно, в лице самого высокого ее иерарха - митрополита Киевского и Всея Руси Киприана.

Одним из проявлений интеллектуализации древнерусского сознания является разработка знаков типа круговых «эмблем» для больших чисел. По-видимому, в XI в. появилось обозначение для десятков тысяч в виде сплошной окружности («тма»). В 1136 г. Кирик Новгородец уже употреблял для выражения сотен тысяч окружность из точек («легион»). С XIV-XV вв. для записи миллионов использовалась окружность из расходящихся лучей («леодор»).

В рукописной «Псалтыри с воследованием» конца XV - начала XVI в. Р.А. Симонов обнаружил три оригинальных цифровых обозначения. Знаки состоят из центральной части и нескольких кольцевых элементов. Первое изображение содержит в центре букву «аз» с тысячным «хвостиком», что означает 1000.

Цифровой алфавит конца XV - начала XVI вв.
с огромными числами 10^{13} , 10^{15} , 10^{16}

Центр сначала обведен сплошной окружностью, обозначавшей 10 тысяч (тма), а затем окружностью из расходящихся лучей, обозначавшей миллион (леодор). Следующей, завершающей окружностью является надпись «тысящъ темь леодооровъ». Каждому ее слову соответствует обозначение больших чисел: тысяча, тма и леодор. Знак передает очень большую величину, равную 10 в 13-й степени ($1000 \times 10000 \times 1000000$).

Второе обозначение в центре содержит «рцы» (100) с тысячным «хвостиком», что означает 100 тысяч. Центр обведен сплошной окружностью и окружностью из лучей. Внешняя круговая надпись гласит: «Сто тысящ темь леодооро(въ)». Надпись отражает сложную структуру знака, каждому ее слову соответствует свое обозначение больших чисел — сто тысяч, тма и леодор. Знак выражает еще большую величину, равную 10 в 15-й степени (10000 x 1000 x 1000000).

Третье обозначение имеет на одну концентрическую окружность больше. В его центре находится «аз» с тысячным «хвостиком», обведенный сплошной окружностью (тма), точечной окружностью (легион) и окружностью из лучей (леодор). Внешняя надпись такова: «Тысяща темь легионо(въ) леодооровъ». Надпись отражает сложную структуру знака, каждому ее слову соответствует свое обозначение больших чисел - - тысяча, тма, легион и леодор. Знак выражает огромное число, равное 10 в 18-й степени (10000 x 10000 x 100000 x 1000000).

Каково значение для науки вновь обнаруженных числовых знаков? Они являются принципиально новым типом изображений гигантских чисел, соответствующих 10 в 13-й, 15-й и 18-й степенях. До сих пор не было известно, чтобы в столь раннее время, до начала XVI в., на Руси могли проявлять интерес к числам такой огромной величины и, более того, уметь правильно их выражать.

Обнаруженные в древних рукописях знаки гигантских чисел расширяют наши представления об интересе к арифметическим знаниям на Руси. Считалось, что он ограничивался только прагматическими задачами счета чисел. Подверстание обозначений гигантских чисел к «цифровому алфавиту» говорит о том, что знаки эти воспринимались как цифровые. Вероятно, их надо толковать как интеллектуальные манипуляции с числами в области средневековой математики. Обозначения больших чисел в виде сплошных, точечных, лучевых окружностей стимулировали мысль в направлении разработки новых цифровых знаков на основе комбинирования старых. Тем самым «цифровой алфавит» конца XV - - начала XVI в. обрел качество научного текста, отразившего развитие арифметических знаний о числах большой величины и способах их записи. Прежние «цифровые алфавиты» воспринимались преимущественно в качестве информационных или учебных произведений о «буквенных» цифрах.

Высокая интеллектуальность, представленная в рассмотренных математических документах, по-видимому, несомненна. Следует ли из этого вывод о подобном состоянии всего древнерусского общества? Для положительного ответа (если не всего общества, то какой-то его части) необходимо учесть феномен востребованности знаний, отраженных в рассмотренных нами документах и массовости распространения «цифровых алфавитов».

Как уже отмечалось, «цифровые алфавиты» - наиболее распространенный вид древнерусских математических документов. Они предназначались для обучения счету, фиксации вычислений и адекватному восприятию

числовых записей. Эти знания были необходимы торговцам, ремесленникам, строителям, чиновникам разных рангов, писцам, летописцам, священнослужителям и феодалам разного уровня, профессиональным педагогам, средневековым ученым и др. В то же время не стоит, по-видимому, очень обольщаться по поводу массовой арифметической грамотности в Древней Руси.

Вероятно, роль древнерусских «цифровых алфавитов» как исторических источников шире, чем просто как методических и справочных пособий. Их можно рассматривать в качестве документов, аккумулирующих потребности древнерусского общества в знаниях о числе в разные исторические периоды. В них четко прослеживается восхождение, динамика от простого к сложному на протяжении многих веков. «Цифровые алфавиты», очевидно, следует считать материалами, отражающими также обратную связь, идущую от потребителей цифровой информации. В этих источниках, возможно, отражено не только то, что их составители хотели дать древнерусскому обществу, но и ожидания последнего, потребность в конкретных сведениях. Сам факт существования «цифровых алфавитов» как массовых документов показывает, что представленные в них математические знания о числах были востребованными древнерусским обществом. Следовательно, отраженный в «цифровых алфавитах» высокий уровень интеллектуальности, действительно можно считать присущим, если не всему населению Руси, то его определенной значимой части. Поэтому, прежде чем утверждать о «невеглисии» культуры Древней Руси, апологетом этого представления теперь придется как-то объяснить, каким образом якобы «ущербность» древнерусской культуры может сочетаться с столь высоким интеллектуализмом?